

Алексей Писемский

Путевые очерки

Писемский Алексей

Путевые очерки

Алексей Феофилактович Писемский

Путевые очерки

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

Содержание

Астрахань

Бирючья коса

Баку

Тюк-Караганский полуостров и Тюленьи острова

Астрахань

Выехав из Саратова, я уже был на настоящем юго-востоке: солнце пекло, как у нас в последних числах марта. Везли меня по Волге, на которой чувствительно потрескивал лед, а по сторонам виднелись полыньи и проруби, ничем почти не огороженные. Вместо правильно расположенных и плотно выстроенных деревень наших верховых губерний я видел на обрывистых берегах какие-то хатки-мазанки, а около них непокрытые, из плетня, загородки для скота. Из попадавшихся сельских церквей хоть бы одна каменная. Все это, если хотите, довольно живописно при заходящем солнце, но и только.

В Дубовке я увидел в первый раз волжских казаков, которые дожидали там проезда из Оренбурга астраханского губернатора, чтобы держать ему почетный караул. У большей части из них тип лиц и одежды довольно характерен и представляет смесь служивого человека и мужика. История волжского казачества коротка: это частью казаки-переселенцы с Дона, частью сосланные Петром стрельцы, перекрещенные калмыки, татары и, наконец, беглые беспаспортные русские люди. Из всей этой смеси теперь образовано три или четыре полка. Понятно, что правительственная цель поселения их была в противодействие набегам кочующих племен, чему они, надобно сказать, и противодействовали по пословице: "Кулак на кулака нашел", - хотя в то же время и сами были не безгрешны. Такова, по крайней мере, народная молва, которую удалось мне подслушать при проезде моем чрез Антипинскую станцию*. Там загорелась церковь. Народ, по обыкновению, бестолково принялся тушить пожар: кто таскал церковную утварь, кто кидал лопатами снег в разбитые окна; двое или трое плотников отвязывали и спус-

кали колокола с колокольни, но вдруг пламя вырвалось из-под церковной крыши и сразу охватило дымом и огнем колокольню и людей. Толпа дрогнула; мальчишки заревели, бабы завыли, мужики только крякнули.

* В 30-ти, кажется, верстах от Саратова. (Прим. автора.)

- Ну, паря, попали наши ребятки, не вывернутся, - проговорил один из них.

- Господи, что же это такое! - невольно воскликнул я.

- Не на угодные, сударь, видно, богу деньги сооружен наш храм божий, проговорил стоявший около меня старик.

- Это отчего? - спросил я.

- Казаки ведь его выстроили! Другой наворовал да нагребил, может, не одну душу человеческую загубил, так и давай строить храм, чтобы отпущение грехам было. Казацкая денежка тоже всякая.

Человека два или три стоявших около мужиков подтвердительно кивнули головами.

- Каинской жертвы, видно, бог не приемлет, вот теперь душа душу и окупает, - заклю-

чил старик.

За Царицыным дорога пошла, к вящему моему удовольствию, горами, но увы! - это приятное ощущение было только на первых порах, а потом пожалел я и о Волге. Не знаю, как летом, но зимой трудно вообразить себе что-нибудь безотраднее этого пути. Представьте себе снежную поляну, испещренную проталинами, а над ней опрокинутое небо. Хоть бы деревенька, огородик, дымок на горизонте, только изредка попадаются таловые без листьев деревья да мелькают однообразно столбы. Из живых существ разве увидите медленно тянущиеся возы да десятка два-три ворон, которые пронесутся бог знает откуда и куда, и все это еще в хорошую погоду; но бывают метели. Я, как выросший в лесной губернии, не мог никогда вообразить себе, что это такое: среди белого дня за две сажени ничего уже нельзя видеть; что-то вроде крупы, песку, снегу падает сверху, поднимается с земли, наносится с боков. Захваченный такою метелью, я с человеком приютился в кибитке за рогожей, но бедный извозчик с залепленными глазами поворотил лошадей

как-то назад и проехал таким образом, не догадываясь сам, несколько верст, и только попавшиеся навстречу обозники недоумили его.

Степной характер, чем ниже спускаться, тем ясней и ясней обозначается. Стали попадаться арбы, запряженные волами, верблюды, навьюченные и под верхом, и, наконец, показались калмыцкие кибитки, издали похожие на копны сена, а вблизи не что иное, как войлочные шатры.

С самими калмыками я познакомился на первый раз в Енотаевске, маленьком и грязном городишке, и долго, вероятно, не забуду этого впечатления. Я въезжал в сумерки и вижу, что со всех сторон проходят какие-то мрачные и на вид подозрительные фигуры в малахаях, овчинных тулупах и штанах и флегматически меня осматривают.

- Что это за народ? - спросил я извозчика.

- Калмык, - отвечал он.

- Экие некрасивые, - заметил я.

- С чего ему красивому быть, - подхватил извозчик. - Зверем в степи живет, всяку падаль трескает; ребятишки, словно нечистая

сила, бегают голые да закопченные.

- А ты не здешний?

- Нет, не здешний, какой здешний! Я верховой.

- Что же, тебе не нравятся калмыки?

- Да чему же нравится? Дикий народ, - отвечал извозчик, - а сердцем так прост, - прибавил он.

- Прост?

- Прост. Приезжай к нему теперь в кибитку хошь барин, хошь наш брат мужик, какое ни на есть у него наилучшее кушанье, сейчас тебе все поставит. Меня, псы, за незнамо, кобылятиной накормили, с год после того тошнило.

- А буянят иногда по дорогам?

- Нет. Лошадей воровать али другую скотину - так ловки, и промеж себя, да, пожалуй, и наш брат извозчик не зевай, как раз шею намылят, и отобьют коней, да и угонят в степнину, - поди ищи там, как знаешь.

Почтовая езда становилась все хуже и хуже; измученные лошади, отсутствие хоть сколько-нибудь устроенной дороги и ко всему этому по времени года распутица; то вы едете

в санях по льду на отмелях Волги, то в кибитке по буеракам и косогорам. В воздухе тепло, но сыро, и скорее походит на гнилую нашу осень, чем на зиму. "Так вот он, - думал я с грустью, - наш благословенный юго-восток, который я в таком приятном свете представлял себе в холодном Петербурге; так вот это наше волжское приволье с его степями, табунами и кочевниками!" Летом, вероятно, все это оживится, но теперь бедно, неприглядно, а главное, пустынно. Много надобно труда, много надобно поселить людей и других людей, чтобы оживить эти пустыни; степняк вряд ли сам по себе способен к улучшению: его надобно сильно понукать и знать, в чем понукать. Проезжая теперь по этим безлюдным и полным безмятежного покоя окрестностям, странно даже подумать, что некогда тут существовало воинственное царство Золотой Орды, что наши великие князья ездили чрез эти степи на поклонение своим грозным завоевателям, встречая или унижительное покровительство, или, чаще того, позор и даже смерть; но всему прошла своя пора; время поглотило и людей, и силу их, и власть, и даже

память об них, так что теперь трудно отыскать достоверное сказание о том, что было и как было. Еще Самуил-Георг Гмелин, доктор врачебной науки императорской Академии наук и разных ученых обществ член, путешествовавший по Астраханской губернии в 1770 году, говорит: "Кто желает в неизвестностях или сумнительствах бытописания упражняться, тот нигде лучше своих догадок употребить не может, как при древней и средней истории города Астрахани, а потому довольно будет начать с тех времен, в которые сей город и все Астраханское царство присоединено к Российскому государству".

Не желая в сих "сумнительствах обретаться", последуем и мы примеру Гмелина и начнем с того, что покорил Астрахань и вознес над ней главу свою царь Иван Васильевич при астраханском хане Этмурчее. Этмурчей, а по-татарски Джан-Турчей, прислал в Москву посланником князя Ишима с просьбою к царю принять его под свое покровительство. Царь, приняв посла милостиво, согласился на его прошение и на другой год отослал его обратно к Этмурчею вместе с своим посланни-

ком Себастианом, которому наказано было разведать и привести весь народ по их вере к шерти (присяге).

Между тем прибыли в Москву послы из Нагаи от Измаил-Мурзы и других татарских князей с жалобой к царю на несправедливости Этмурчя, прося его о помощи и обещаясь служить ему не щадя живота. Отношения, как видите, не совсем искренние. Пронырливый хан как будто бы добровольно отдает себя во владение, а в сущности для того, чтобы удобнее теснить других татарских князьков; а царь, с своей стороны, тоже как будто бы обещает только покровительство, но в то же время принимает милостиво жалобы на Этмурчя и посылает к нему посла приводить народ к присяге. Дело разрешилось тем, что хан ограбил нашего посла, и возгорелась война.. Но здесь я лучше буду продолжать по возможности подлинными словами единственного письменного сказания о покорении Астрахани, напечатанного Рычковым в 1774 году, которое, мне кажется, своим тоном яснее и нагляднее, чем мои передаточные речи, представит читателю столь отдаленную эпоху.

"И он, Великий Государь, царь Иван Васильевич, - говорит сказание, - не стерпя своей обиды и от нагайских мурз не презрев к себе челобитья, изволил послать на Астрахань на Этмурчея царя с орды его Дербишь-Алея царя Касимовского и с ним воевод своих князя Юрия Ивановича Пронского-Шемякина с товарищами, разверстав их на три полка. И указал Великий Государь быть большому полку воеводою князю Юрию Ивановичу Пронскому да Михайлу Головнину, да в том же полку приказал Великий Князь Государь идти князю Александру Ивановичу Святыне. В среднем полку идти постельничему своему Игнатию Михайлову сыну Вишнякову, да Ширяю Кобякову-Вяземскому. В третьем полку Степану Григорьевичу Бяратинскому да Андрею Булгакову и с ним другим воеводам и детям боярским из разных городов, атаманам и казакам Федору Павлову с товарищи и всяких чинов людям.

"Поехали воеводы Волгою рекою в больших судах и, приехав на переволоку, что к Дону, отпустили наперед себя князя Александра Вяземского да Данилу Лучкова и с ним детей

боярских, атаманов и казаков, Федора Павлова с товарищи для языков, которым повстречались астраханские татары выше Черного острова и они ушли было в ширях (в лодках); но их, нагнав, всех побили, только начального их Сяймыша с небольшими людьми, поймав, живых отослали к воеводе князю Юрию Ивановичу Пронскому, и те языки в допросах сказали: послал-де нас из Астрахани Янгурчей князь от себя проведати от Астрахани на пять верст и осмотреть людей, а в городе-де Астрахани людей немного, все стоят по островам и своим улусам, а царь-де Янгурчей стоит на Цареве протоке. Воеводы, по тем речам, выбрав князя Данилу Кандаурова, князя Тимофея Кропоткина да Григорья Жолобова и Данилу Сулкова, и с ними дворян и детей боярских и всяких чинов людей, послали в прибавку к князю Вяземскому и велели им идти на стан, где стоял Янгурчей царь; а сами воеводы пошли ко граду Астрахани. Того же году мая в 29 день прошли воеводы с силою "иже города Астрахани и, призвав господа бога и Пречистую Его Матерь и всех святых, вышед из судов, пошли к городу Астрахани, и астра-

ханцы-татары, увидя их, побежали все из города, и в то время, помощью божиею, а Великого Государя счастием, они, воеводы, Астраханское царство взяли, а татаровей, которые побежали из города, нагнав, всех порубили, а иных многих и в полон побрали. Князь же Александр Вяземский с товарищи в те поры пришел на царев стан, где стоял царь Янгурчей; но он, уведав про взятие Астрахани, пометался на своих коней и незадолго перед сим утек не со многими людьми, а жен и детей своих наперед себя отпустил к морю в ширях, которых же на стану застали татар, тех изрубили, а иных живых побрали. Пушки, и пищали, и всякую рухлядь поймали; а за беглыми татарами с того стану ходил атаман казачий Федор Павлов с товарищи, и догнав в шире (на судне) за царевыми деревнями, с набатами и пищальями, многих людей тут порубили, а иных многих живых взяли, и те языки про царя Этмурчая, куда он наутек пошел, ничего не сказали. И по указу Великого Государя, воеводы князь Юрий Иванович Шемякин-Пронский с товарищи, посадя во граде Астрахани Дербишь царя Касимовского на

царство, приведя всех астраханских татар, которые побраны, к правде и шерти, по их вере, чтобы им служить Великому Государю неизменно, отпустили гонца к Москве к Великому Государю царю Ивану Васильевичу. Потом, оставя воеводы в Астрахани, у Дербишь-Алея царя, - князя Андрея Барятинского, да Петра Тургенева, да выбором детей боярских и стрельцов и казаков, сами воеводы пошли за Янгурчеем царем, а наперед себя послали к морю князя Александра Вяземского и с ним нижегородских детей боярских, атаманов и казаков - Федора Карпова; на Абдул реку - голов стрелецких Кузьму Масальского да дьяка Козьмина; на Казань реку послали передового полку воевод, постельничего Игнатия Михайлова сына Вишнякова, да Ширяя Кобякова с товарищи. А в Евангусь реку - голов стрелецких Полутка Тимофеева да князя Давыда Кандаурова - и те воеводы, нашед на астраханских татар, их порубили, а иных живых побрали и полон русский от них отполонили. И те сказали, что Янгурчей царь с людьми своими пошел в Мочаг{493}, по которым вестям воеводы пошли за Янгурчеем в Мочаг к морю

и, пришед на Белое озеро, взяли языков, кои сказали, что Янгурчей царь утекать будет со всеми своими людьми в Тюмень, и по тем вестям воеводы возвратились вспять, а дороги, куда ему Янгурчею ехать, объехали и послали искать его на море и по островам, но самого нигде не нашли, только людей его, астраханских татар, много перебили, а много живых побрали, да взяли ж богатыря Киязя с товарищи, кои языки сказали: царицы-де со многими людьми пошли в Батыев мочаг, а про царя ведомости не сказали. В том урочище атаман казак Федор Павлов с товарищи, толмач{493} Федор Шишков да Данило Шадринский полонили трех цариц - Тевкелю Гутееву Мурзину дочь, другую царицу Крымшалкову дочь Кулдусову, третью Янгурчееву ж дочь Ульясавити-Марию, коя, по взятии, родила сына; царевичеву же Ембуматеву жену Мергивину; царевичу ж дочь Бамбичеву царевну, и порубили у них многих татар, а иных живых побрали, и те языки сказали, что Янгурчей царь, князи и мурзы, и уланове и все астраханские татары пошли узким мочагом к Карбулатову озеру, по которым словам пошли воеводы

зверх узкого мочага на Карбулат озеро и, дошед их, порубили из них многих, а Янгурчей царь и с ним немногие люди ушли, иных же, догнав у Белого озера, многих живых побрали и полону русского отполонили много. В те поры от князей, от мурз и уланов и от всех астраханских людей приехал Ираклит князь и бил челом Великому Государю, его царскому пресветлому Величеству, чтоб царь пожаловал их, казнить и рубить не велел, а велел бы служить себе, Великому Государю и служилому его государеву Дербишь-Алею царю Касимовскому, а они б на то дали правду. Воеводы взяли от него Ираклита (и других улусных и черных людей) клятву, чтоб служить ему, Великому Государю, его царскому пресветлому Величеству и детям его царским и служилому его царскому Дербишь-Алею царю Касимовскому, да по всякий год давать ему, Великому Государю и его царским детям по тысяче рублей денег, да по три рыбы матерья, и, собирая тое дань меж себя самих, на всякий год посылать к нему, Великому Государю и к его царским детям со своими послы. А полон русский, что у них ни есть, купленный или взя-

тый, беспохоронно отдать им весь, а ловцам его, Великого Государя, ловить рыбу в Волге реке от Казани по Астрахань и до моря без пошлин, не явясь в Астрахани и не с их астраханскими ловцами, без кривды.

"Между тем Дербишь-Алей царь, приняв царство Астраханское, отрядил к Москве к Великому Государю гонцов на его Великого Государя жалованье, за приемство астраханского царства бил челом, и астраханские люди татарове все от себя к Великому Государю к Москве гонца ж отряжали на его Великого Государя жалованье с челобитьем за то, что их Великий Государь, его царское Величество пожаловал бы, казнить и развозить их не велел и, дав им царя, повелел бы служить себе, Великому Государю. А потом и воеводы царские послали Великому Государю донос о взятии Астрахани и объясняя, что до указа твоего, Великого Государя, ехать мы не смеем". Разрешение было получено, и в сентябре месяце (7064 г.)^{494} войска возвратились в Москву. "И Великий Государь царь и Великий Князь Иван Васильевич воевод своих царских Юрия Ивановича, сына Пронского-Шемякина с то-

варищи, такожде и дворян, и голов, и полковников, и детей боярских, и разных людей за ту их службу, что они Астраханское царство взяли и по его Великого Государя указу в Астрахани служивого его Дербишь-Алея царя Касимовского посадили и всех астраханских татар к их правде и шерти привели, жаловал своим царским жалованьем".

Таким образом было взято и покорено царство Астраханское.

Пропускаю здесь об измене и изгнании Дербиша, о неудачном нападении турецкого султана; пропускаю о бежавших в Астрахань Марине Мнишек с Заруцким; но как не пересказать о взятии Астрахани Стенькой Разиным, славным воров и морским разбойником, о котором мы все слышали еще в детстве, учили кое-что в истории, имя которого знает, наконец, весь народ. Появился он на Волге с шайкою донских казаков около 1665 года, грабил и захватывал все суда, идущие в г. Астрахань, перебрался потом морем к Гурьеву, разбил наголову посланную из Астрахани нарочитую команду стрельцов, взял город и произвел там страшное кровопролитие.

Перезимовав в Гурьеве, Разин отправился весною в Персию, разорил и разграбил там многие прибрежные города и селения, соединился потом с другим разбойником, Сережкой Кривым, осмелился, наконец, биться с самим персидским шахом и победил персиян. Русское правительство приняло, наконец, более решительные меры. Стольник Львов послан был для преследования Разина и нагнал его у взморья. Стенька прислал повинную и принял указ государев, которым призывали его в отечество с тем только, чтобы он жил смирно; но, привезенный в Астрахань, бежал оттуда на Дон и снова появился на Волге, завладел в стороне царицынской многими калмыцкими и татарскими улусами, осадил город Царицын и, подкупив гарнизон, состоявший из стрельцов, вошел в оный и убил воеводу Петра Турчанинова. Государева казна и все государственные суда сделались его добычею. Для усмирения Разина прибыл из Москвы Иван Лопатин с многочисленным войском из стрельцов. Стенька Разин вышел к нему навстречу и так его поразил, что он в сражении лишился жизни, а оставшиеся в живых

из войска взяты в полон.

Первые принесли эту весть в Астрахань татары. Прибывший из Черного Яра сотник Данило Тарлыков объявил, что и сию крепость взяли неприятели и что при взятии оной все дворянство лишилось жизни, выключая только одного князя Симеона Ивановича Львова (вероятно, изменившего).

Астрахань приготовилась к обороне: починили городские стены; астраханский воевода Прозоровский, узнав об опасности, в которой страна находилась, послал донесение к царю, однако оно не дошло: посланный с ним Тарлыков, ехавший для безопасности в Москву объездом, утонул в Тереке. Между тем Разин приближался к городу и, остановясь в восьми верстах повыше оно́го, при Шарском бугре, отправил два легких струга; на них съехали астраханский священник Василий Маленков и слуга князя Львова, которые в нищенском платье пробрались было в город лазутчиками, но были пойманы и, приведенные к воеводе, сознались ему; слуга подвергнут был пытке и потом повешен на стене ввиду неприятельских стругов, а попа, заклепавши

ему рот, отвезли в темницу.

Архиерей установил общенародное молебствие. Прозоровский, с своей стороны, поставил на воротах вооруженных людей, расставил по стенам пушки, ополчая весь город: иностранец, мальчик, всяк, кто только мог держать оружие, должен был занимать назначенное ему место. Обо всех этих распоряжениях Разин был уведомлен астраханскими переметчиками Андреем Лебедевым и Самсоном Курятниковым, и, так как в этом году полая вода была чрезвычайно велика, он поехал сначала в волжский пролив Богда, а оттуда ручейком Черепахой - в Кутум, а из Кутума - в речку Кривушу. Здесь начал он для осады заготавливать лестницы. Между тем архиерей приказал в болото, отделяющее городские стены от Кривуши, пустить из Волги воду; того ж 19 июня двое нищих ушли из Астрахани к Разину; он подкупил их деньгами, и они обещали во время осады зажечь город в разных местах, но, возвратившись, признались в своем замысле и были казнены. Но, кроме того, архиерей и воевода сомневались и в верности гарнизона; с этой целью Прозо-

ровский позвал к себе войсковых начальников, советовал им быть в повиновении и напомнил им долг присяг".

21 числа в вечеру воевода с своим братом и сыном, с головами стрелецкими Табунцовым и Фроловым, надевши на себя воинское платье и доспехи, приказал играть на трубах и пошел к Вознесенским воротам, оттуда полагал, что Разин сделает первоначальное свое нападение. Он еще раз увещевал здесь войско храбро биться и стараться не допускать неприятеля приближаться к городу; но с наступлением ночи, когда разбойники приступили к городу и приставили для приступа лестницы, подозреваемая измена обнаружилась; расставленные по городским стенам стрельцы не только не отбивали неприятелей, но еще призывали заранее условленным словом; пушкарки, которые должны были стрелять, оставались в бездействии; несколько храбрых и верных защитников из дворян и мещан были побиты. Сам воевода Прозоровский, раненный насквозь копьем, отнесен своими слугами в кремль, в соборную церковь, куда собралось великое множество аст-

раханских жителей, как в более безопасное место, и где пришедший архиерей причастил св. таин умирающего воеводу.

С наступлением дня разбойники овладели внешними стенами и стали осаждать Кремль. Ворвавшись через разломанные Пречистенские ворота и по невысокой стене около магазинов в самую крепость, они приступили к собору. Находившийся здесь в преддверии пятидесятник Фрол Дура, защищая вход с одним ножом, умертвил несколько человек неприятелей; однако двери были, наконец, взломаны и Дура изрублен в куски. После чего разбойники взяли едва дышащего Прозоровского и, отнеся на раскат{497}, находившийся при преддверии церковном, сбросили его оттуда на землю. Все бывшие в церкви мещане, голы Табунцов и Фролов, все дворяне, дьяки за церковью побиты, и когда по приказу Разина отнесены в Троицкий монастырь, то монах, который их погребал, насчитал шестьсот мертвых тел.

За убийствами следовали грабительства: государственная казна, состоявшая из наличных денег и куниц, сделалась первая добы-

чею бунтовщиков. Дома Прозоровского, дьяков, дворянские и купеческие, дворы гилянские, индейские, бухарские были расхищены. Пощады не было никому. Сам Стенька Разин ездил по улицам, и если кто ему нечаянно попался, того приказывал колоть, или топить в воде, или вешать. Шайка его делала то же, в том числе и стрельцы, предавшие город.

13 июля Разин, будучи пьян, послал своего есаула к архиерею требовать у него старшего сына Прозоровского, и когда тот пришел, Разин спросил, куда употребил его отец пошлинные деньги? Молодой Прозоровский отвечал, что оне розданы стрельцам на жалованье. Дьяк Алексеев подтвердил то же. А когда Стенька спросил, где схоронены пожитки его отца, Прозоровский отвечал, что есаул его Ивашка Хохлач все захватил и держит у себя. За такие ответы Разин велел связать ему ног", а дьяку Алексееву запустить за ребра крюк и таким образом обоих повесить на стене. Чрез полчаса Разин позвал и младшего сына Прозоровского и велел его также повесить подле брата; хотя оба они потом были сняты живые, но старший вскоре помер. Совершив сии зло-

деяния, Разин пошел с своею шайкою и с частью астраханских стрельцов в Симбирск, поручив правление города Ваське Усу и Федьке Шелудяку, коих он сделал атаманами.

Во время бывшего третьего числа августа собрания, называемого по их кругом, разбойники сделали новый бунт: побили всех астраханских приказных людей, иных в домах, а иных на улице, и, приступая ко двору архиерея Иосифа, требовали, чтоб скрывавшийся там дьяк Иван Турчанинов был им выдай; но, не найдя его, ругали самого архиерея поносными словами и укоряли, что он держит более сторону знатных, а не казаков.

Вслед за тем мурза Емашед Енаев привез к архиерею Иосифу государев указ из Москвы, коим находившиеся в числе изменников астраханские жители увещевались, чтобы они, оставив бунтовские замыслы, опять истинному своему государю покорились. Архиерей написал с указа копию, послал оную к игумену Вознесенского монастыря Сильвестру с приказанием, чтоб он ослушников Андрея Лебедева и Сергея Баранова к себе призвал и, прочитав указ, отводил их от измены. Лебе-

дев, вышедши из кельи игумена, прямо пошел к своим товарищам и сказал, что архиерей вместо царского издал свой указ и намерен всех заговорщиков отдать в руки знатным. Архиерей же приказал в колокола звонить и велел, чтоб все собирались в соборную церковь, где священник Федор Негодяев прочитал государев указ и хотел было вручить его архиерею, но бывшие тут из бунтовщиков казак Ивашка Самарянин и астраханские жители Федюшка Панов, Ермолка Власов, Ивашка Ярило и другие вырвали у него из рук указ и отнесли его к атаману своему Ваське Усу, который, сковав на другой день Негодяева, мучил его жесточайшим образом и спрашивал, царский ли тот указ или архиерейский был? Негодяев стоял на одном, что архиерей получил указ из Москвы, и был, наконец, освобожден от мучений.

Двадцать первого числа апреля стрелец Гаврила Ларионов, прозываемый Шелудяк, объявил архиерею, что юртовские татары вторично из Москвы привезли государев указ и стоят на другой стороне Волги. Архиерей послал к главным бунтовщикам Ивашке Кра-

сулину и Абрамке Андрееву и требовал их к себе, приказывая сказать, что он имеет с ними говорить о делах крайней важности, но они к нему не пришли, а пошли на рынок. Архиерей, узнавши об этом, сам пришел туда и, объявив, что татары привезли от государя указ и стоят на другой стороне Волги, говорил, чтобы главные из бунтовщиков или сами они оный взяли, или кого-нибудь от себя отправили. Красулин с своими товарищами отвечал, что он не смеет ничего сделать без ведома главного своего атамана, и пошел к Ваське Усу, который, получив это известие, пришел в соборную церковь, ругал архиерея поносными словами и грозил смертью, если он ему не отдаст присланного из Москвы указа. Архиерей отвечал, что он никакого указа не имеет, но только слух носится, что оный пришел, и потому просит, чтоб его приказано было взять. Ради чего Ивашко Овощников поехал на западный берег Волги, осведомился об указе и, действительно найдя его там, принес к архиерею, который поспешил с тем указом в церковь и, распечатав оный в присутствии бунтовщиков, хотел тотчас прочитать,

но крамольники, вышед из церкви, побежали в свой круг. Архиерей, следуя за ними, взял с собою значительное число священников и служителей церковных и, придя в круг, приказал снова прочесть указ, писанный, собственно, к бунтовщикам, а потом другой, который он получил особливо. Когда оба указа были прочитаны, то вместо того, чтоб усостыться, бунтовщики кричали и говорили, что господа в государстве все, что хотят, писать могут, но сие до них не касается. "Если бы-де читанные указы были государевы, - толковали они между собою, - то была бы под ними красная царская печать, а может-де, и сам архиерей сочинял оные".

- Давно уже тебя, архиерей, - продолжали крамольники, - ждет раскат, где покончил свою жизнь Прозоровский; мы сожалеем только, что не такие теперь подошли дни*, а то бы ты узнал, сколь великое дело столь многие казакам делать затруднения. От тебя и от твоих выдумок рождаются все беспокойства: ты посылал письма на Терек и на Дон и оными сделал то, что донские и терекские казаки от нас отстали.

* Была страстная неделя. (Прим. автора).

Архиерей на это, обратившись к астраханским стрельцам, сказал:

- Вам надлежит сих донских разбойников перехватить, наложить на них цепи и оковы, и если это сделаете и обратитесь к своей службе, то я вас обнадеживаю, что получите от государя прощение за ваши преступления.

Стрельцы на это отвечали:

- Кого нам хватать, мы все разбойники.

Первого числа мая того ж года бунтовщики снова взяли священника Негодяева в свой круг, мучили его бесчеловечно, вынуждая сказать, что указы сочинял сам архиерей, но он стоял неизменно за правду и был убит. Тем же жестоким истязаниям обречены были двое знатных дворян, жившие в доме архиерейском, но когда злодеи увидали, что и тут ничего не успели, то положили, наконец, убить самого архиерея. Одиннадцатого мая пришло несколько бунтовщиков в церковь и звали святителя в свой круг; он обещал прийти, однако прежде того приказал звонить в колокола, что для священников было знаком

собираться в соборную церковь. Они облачили его в архиерейские одежды, в коих он вошел в круг бунтовщиков и спросил, для какой его причины туда призвал". Тогда Васька Ус, обратившись к казаку Коченовскому, сказал:

- Что ж ты стоишь, пень? Выдь и скажи, что ты именем главного нашего атамана здесь сказать имеешь.

Коченовский начал так:

- Именем Стеньки Разина, нашего предводителя, здесь я предстою и тебя, архиерей, спрашиваю: какая тебе была причина писать к братьям нашим на Дон и Терек письма, ибо твои письма сделали то, что донские и терекские казаки от нас отстали?..

Архиерей на это сказал, что он ни на Дон, ни на Терек никаких писем не писал, а хотя бы, прибавил к тому, и писал, то он думает, что тем никакого злодейства не сделал, ибо донские и терекские жители не неприятели, но подданные одного и того же великого государя, и что советовал бы он также и им постараться заслужить сие имя: отложив свои мятежные и разбойнические замыслы, испрашивать прощения. Ответ этот ожесточил

еще более мятежников.

- Так зачем же ты, архиерей, скрываешь свои плутовства и зачем к нам выходишь в сем одеянии? - кричали они и хотели с него снять насильно облачение.

- Не подобает на архиерея возлагать рук в его святительском одеянии, сказал один из казаков, Мирон, и был за то вытащен из круга и тут же изрублен на части.

- Снимайте с архиерея одежды! - кричали бунтовщики священникам, но архипастырь, видя, к чему это все клонится, сам вручил крест, панагию и митру священникам и, сказав: "Прииде час мой, прискорбна душа моя до смерти", - приказал протодиакону разоблачать себя. Когда все было готово, злодеи, вытолкнув священников из круга, потащили святителя в Кремль на зеленый двор. Палач Ларька с злодеем Ветчиной сорвали с святителя подрясник и, оставив его в одной власянице, связали ему руки и ноги и повесили на огонь.

Казак Сука стал допрашивать мученика, не сам ли он сочинял указы и не писал ли еще писем на Терек и Дон, - но никакого отве-

та не получил.

После пытки повели Иосифа на раскат.

- Пех? - закричали палачи к народу.

- Пех, перепех, пех! - отвечала толпа мятежников, и святитель был сброшен, и когда он упал на землю, говорится в записках семинарии, то в то время сделался великий стук и страх, отчего и воры, будучи в кругу, устрашились и замолчали на долгое время, с треть часа стояли повеся головы и друг с другом ничего не говорили, яко изумленные. Но когда священники хотели собраться к телу своего архипастыря, то бунтовщики их палками отогнали; однако они на другой день, поливши оное миром, погребли в соборной церкви*.

* Я видел в астраханском соборе изорванную власяницу святителя, в которой он был мучим. (Прим автора.).

Все эти бунты и убийства прекращены были боярином Милославским. Сам Стенька Разин был разбит и пойман Долгоруким и привезен в Москву, где возили его на поругание по всему городу на телеге под виселицей, а потом он был живой четвертован и части те-

ла его были воткнуты на колья, а внутренности брошены на съедение псам. При всех сих мучениях Стенька показал себя неустрашимым. Но брат его Фролка, вместе с ним поймавший и водимый позади телеги, обнаружил страх и малодушие; однако ему дарована была жизнь за то, что он открыл, где хранились спрятанные сокровища брата.

Таковы некоторые подробности из истории города Астрахани. Обращаюсь, впрочем, к настоящему.

Я еду по краю Волги; солнце обливает ярким светом окрестность и, отражаясь от белоглянцевитого льда, беспокоит глаза; посередине реки виден целый ряд треугольной пирамидой поставленных жердей, около них ходят, нагибаются по две, по три черноватые фигуры мужиков.

- Это что такое? - спросил я извозчика.

- Снасти, рыбу ловят, - отвечал он.

По сторонам сидят там и сям какие-то большие птицы, и об них я спросил извозчика.

- Орлята это, - отвечал он.

"Вот, наконец, и орлята", - подумал я не без

удовольствия и бросил в одного из них кусок льду. Он неторопливо поднялся, взмахнул несколько раз крыльями и потом, вытянув их в прямую линию, полетел; я думал, что прямо к солнцу, однако нет: просто в сторону; за ним уцепились две вороны и заигрывают с ним.

- Вороны, видно, не боятся орлов, - заметил я извозчику.

- Да что ж им бояться? - возразил он.

- А убьет, съест.

- Пошто съест, он и рыбой сыт.

- Где же он берет рыбу? Ловит?

- Нет, на ватаге* подхватывает мелочь которую али внутренность. Вон ватага, - пояснил извозчик, показывая мне кнутом на довольно большие у берега подмости, на которые кладут и потрошат пойманную рыбу.

* Ватагами называются селения, где живут рыбопромышленники. (Прим. автора.)

Город между тем становится все видней и видней. Издали он напоминает собой всевозможные приволжские города, виды которых почти можно описывать заочно: широкая по-

лоса реки, на ней барки с их мачтами, кидающийся в глаза на первом плане собор, с каменными казенными и купеческими домами, а там сбивчиво мелькают и другие улицы, над которыми высятся колокольни с церквами, каланчи, справа иногда мельницы, а слева сады, и наоборот. Таковы Ярославль, Кострома, Нижний, такова и Астрахань; но вблизи - другое дело. Измученная, едва передвигая ноги, пара лошадей подвезла меня, наконец, к почтовому двору, но надобно еще было переехать через Волгу, а это оказалось не совсем удобно: нельзя ни по льду, потому что лед проломится, ни на пароме, потому что лед, а перевозят калмыки на салазках: вас само по себе, человека само по себе, а вещи само по себе. Так потащили и меня двое калмычонков. Сначала они бежали рысью; лед между тем выгибался на трещинах, из которых выступала вода; в стороне, не больше как на сажень, была полузамерзшая прорубь для прохода парома; с половины реки калмычонки что-то болтнули между собой по-своему и пошли шагом.

- Что же вы не бежите? Везите проворнее! -

сказал я.

Они оглянулись на меня и улыбнулись.

- Нет, барин, ничего, тут крепко, - сказал один из них совершенно чисто по-русски.

- А у того берега опасно? - спросил я.

- Там провалишься, пожалуй, хлибит{503}, а тут ядерный лед, - отвечал калмычонок и опять что-то болтнул товарищу.

Но как же идут обозы, спрашивается. Идут и проваливаются, а иногда и тонут; на счастье: вывезет - так ладно, а не вывезет - так тоже ладно!

С калмыцких салазок я попал по колено в грязь, а из грязи взмогился на подъехавшую за мной почтовую телегу и велел себя везти в гостиницу, с жадным любопытством смотря на всех и на все. Азиатский характер дает себя чувствовать сразу: маленькие деревянные домишки, по большей части за забором, а который на улицу, так с закрытыми окнами, закоптелые, неуклюжие, с черепичными крышами, каменные дома с такими же неуклюжими балконами или, скорей, целыми галереями, и непременно на двор. После безлюдного степного пути мне показалось, что я по-

пал в многолюднейший город, и то на ярмарку: народ кишмя кишит на улицах. И что за разнообразие в костюмах: малахай, персидская шапка, армяк, халат, чуха{503}! Точно после столпотворения вавилонского, отовсюду до вас долетают звуки разнообразных языков, и во всех словах как будто бы так и слышится: рцы. Пропать грязных мелочных лавочек, тьма собак, и все какие-то с опущенными хвостами и смиренные; наконец, коровы, свиньи и толстоголовые татарские мальчишки, немного опрятнее и красивее свиней. Я каждую минуту ждал, что кувыркнушь, хотя и ехал шагом: мостовой и следа нет, улицы устроены какими-то яминами в середине, в которых стоит глубокая грязь, и вас везут почти по тротуарам.

В гостинице, куда меня привезли, отвели мне, как водится, сыроватый и темноватый номер с диваном, со столом и картинками, которые на этот раз изображали поучительно печальную историю Фауста и Маргариты.

Итак, подумал я не без удовольствия, для меня миновался этот степной путь с его вьюгами, голодом и девственной природой, не за-

раженной людским дыханием и не изуродованной ни шоссе, ни железными дорогами.

- Дай мне, братец, есть, - сказал я провожавшему меня номерщику.

Он подал огромную порцию стерляжьей ухи, свежей осетрины и жареного фазана, при котором место огурцов занимали соленая дыня и виноград.

- Вот с этой стороны Астрахань красива, - сказал я сам себе и заснул, как может заснуть человек, проехавший в перекидной повозке, на почтовых две тысячи верст.

Бирючья коса

С кем бы вы в Астрахани ни заговорили о море: с морским ли, с чиновником ли земской полиции, - от всех вы услышите на втором - третьем слове: Бирючья коса. Это маленький островок, на котором содержится брандвахта{504}, устроены карантин и таможенная застава. Адмирал поехал туда и пригласил меня. Выезд был предположен 23 марта. Дул верховой ветер. Слухи носились, что на Волге еще много льду. Съехавшись в порт, мы действительно увидели весь окологорье замерзшим. Проламывая и расталкивая лед,

добрались мы кое-как в катере до парохода, дали ход и стали сниматься с якоря. Пароход сначала было двинулся, но, затираемый льдом, не слушался руля и не ворочался, и, только употребив завозы, мы выбрались на фарватер. Все стояли на палубе, хоть ветер и продувал до костей. Скоро миновалась Астрахань, миновалось и Царево, а там и пошли тянуться однообразные и мертвенные берега: то ровные пустыри, то высокий камыш, очень похожий на поспевшую рожь, только в десять раз крупней ее. Местами он горел. "Это отчего?" спросил я. - "Нарочно жгут, иначе он на следующий год не вырастет", ответили мне.

С пятнадцатой, кажется, версты виды несколько пооживились: стояли на якорях кусовые*, и бойко шли косные, из которых некоторые едва отставали от парохода. По берегу стали показываться рыбные ватаги** и калмыцкие кибитки, пред которыми толпились задымленные и волосатые калмыки и нагие их мальчишки. В стороне на одной из отмелей сидели белые, довольно большие, и черные, поменьше, птицы. Это пеликаны и

бакланы, две разные породы, но живущие между собой в замечательно оригинальных отношениях: бакланы составляют для пеликанов какой-то чернорабочий класс. Они подгоняют и ловят для пеликанов рыбу и будто бы даже кладут им ее в рот, засовывая при этом случае свой клюв в их глотку, но чем вознаграждают их пеликаны за эту услугу, неизвестно; кажется, ничем: ни дать ни взять как на новой половине земного шара белая и черная породы людей.

* Большая лодка. (Прим. автора.).

** Небольшие селения, вроде наших деревень (Прим. автора.).

Для здешнего плавания только и спасение, когда дует ветер с моря и дает возможность проходить через три главные мели: Княжевскую, Харбайскую и Ракушинскую. Маленький пароход наш сидел в воде только четыре фута, но и того было много: на Княжевской россыпи пошли мы тихим ходом и стали кидать лот: "6 фут, 5 фут, 4 3/4", - кричал матрос.

- Авось, пройдем и Харбайскую, она меньше Княжевской на один только фут, - сказал

капитан; но Харбайскую не прошли. Надобно было пересесть на катер. Невдалеке виднелась деревня Оля, в которой поселены русские мужики, бывшие некогда в плену в Хиве. Адмирал благоразумно приказал грести к этому селению. Подъехали. Навстречу к нам вышло несколько мужиков. Мы стали расспрашивать их. "На катере, говорят, не проедете Ракушинскую россыпь: мелко". - "Давайте ваши лодки". - "Да и на лодках, которые побольше, нельзя, а на бударках", - ответили нам и стали снаряжать бударки. Я пришел в ужас, взглянув на маленькую и едва сколоченную лодчонку, в которой сверх того случай усадил меня с почтенным и значительно полным полковником Б. До сих пор не могу я без неприятного ощущения представить себе его массивной фигуры. Мне казалось, что мы оба с ним поместились в суповой ложке и что достаточно с нашей стороны одного движения, чтобы бударка кувыркнулась вверх дном, а полковник между тем находил какое-то странное наслаждение осматривать окрестность и беспрестанно ворочался из стороны в сторону. Проехав мель, нам пришлось

ехать почти морем. Солнце село. Ветер разг-
рывался, волны выше и выше поднимались.
Я только и смотрел на мелькающие вдали
огоньки с Бирючьей косы и думал: "Господи,
настанет ли когда-нибудь такая счастливая
минута, когда я буду там, на земле, не буду
чувствовать этого неприятного покачивания,
не буду видеть этих сероватых, как бы белой
гривой взмахивающих волн!" Ехавшая впереди
лодочка, на которой сидел адмирал, оста-
новилась. "Что такое?" - спросили мы, подъе-
хав. - "Нельзя дальше ехать: лед!" Надобно бы-
ло проламываться. Принялись работать. Но
еще несколько сажень, и бударка остано-
вилась: мелко. Делать нечего, оставалось одно:
кричать. Услыхавшие нас матросы пришли,
наконец, к нам на помощь и перетаскали нас
на своих плечах на берег. Так совершился
мой первый водяной вояж; на обратном пути
пришлось испытать не лучше. На другой день
задул верховой ветер еще сильнее и холод-
нее. Весь фарватер мы увидели замерзшим.
Оставленный нами катер, говорят, обмерз
весь кругом. Положили переночевать и в
ожидании, что будет завтра, пошли мы осмат-

ривать Бирючью косу. Замечательного немного, кроме разве совершенно бесплодной почвы, которая вся состоит из ракуши, плотно связанной глиняным цементом, так что представляет собой нечто вроде мозаичского паркета, а остальное: дом брандвахтенного начальника, в стороне таможня, чрез поле - казармы для карантинной стражи и, наконец, самый карантин, обведенный рвом.

- Вот здесь умирали чумные и холерные, - говорили нам, указывая на маленькие комнатки.

"Ну, чтобы только видеть это, не стоило ехать сквозь лед, через отмели", - подумал я.

- Спал верховой ветер, дует с моря, - обрадовали нас на другой день.

Свойство здешнего фарватера таково, что достаточно двух - трех часов моряны, и вода нагонится на два, три фута. Стало быть, откладывать было нечего, все поспешили одеться и отправиться. Льду почти было не видать. У ближайшей кусовой виднелся наш катер; но, чтобы добраться до него, мы должны были сначала въехать на долгуше, запряженной лошадью, в воду, потом пересесть на

маленькие лодочки, которые и подвезли нас к катеру. Дружно хватили 12 человек гребцов, все севастопольские георгиевские кавалеры; после востроносой бударки мне казалось, что я еду на могущественнейшем винтовом пароходе; верст пять пролетели мы в полчаса, но тут - увы! - подошла Ракушинская мель и сплошь оказалась покрытою льдом; надобно было опять проламываться. Гребцы стали у носа колоть лед, а мы, пассажиры, раскачивать катер - вставая и ударяясь об его бока. Вдали, наконец, показался наш пароход. Давно я не бывал так доволен своим положением, когда вбежал по трапу на гладкую и чистую палубу парохода. "О, мудрость человеческая! воскликнул я. - Хвала тебе за изобретение больших судов с каютами, каминами, кухнями, паровым двигателем, и здесь тебе остается только очистить фарватер и устроить хоть какую-нибудь пристань на Бирючьей косе!"

Баку

Наконец, я был в море. Адмирал пошел в Баку и пригласил меня. В 9 часов утра вышли мы из Астрахани. Я еще хорошо помнил мою

поездку на Бирючью косу, но на этот раз дула моряна: ни Княжевская, ни Харбайская, ни даже Ракушинская россыпи нас не задержали. К пяти часам мы прошли Волгу, подошли к Бирючьей косе и пересели на большой пароход "Тарки". Впереди за Знезинской россыпью виднелся четырехбугорный маяк, место для которого будто бы выбрано было еще Петром Великим, а там уж и море, настоящее море; но дальше мы не пошли: дул свежий ветер, и пароход не в состоянии был выгрести.

Проснувшись на другой день поутру, я по стуку машины догадался, что мы идем, поспешил одеться и вышел на палубу. Надо мной было небо, а кругом вода. Приятное и вместе с тем какое-то боязливое чувство овладело мною: на телеграфах, на железной дороге, на пароходах как-то невольно начинаешь больше уважать человека, больше верить в силу его разума, видя, как он почти с волшебной силой пробегает пространства, на враждебной ему среде строит себе дом, заставляет этот дом слушаться руля, воспользовался ветром, изобрел компас и, наконец, приложил новый двигатель - пар; но, с другой стороны,

сильна и неразумная стихия; новичков обыкновенно пугают качкой, и это еще, говорят, ничего, но бывает шторм: руль сломан, компас бесполезен, пар бессилён. При этой мысли мне невольно захотелось увидеть хоть бы где-нибудь вдали землю.

- Будут ли на нашем пути острова? - спросил я штурманского офицера.

- Не скоро; ближе всех Тюлений остров, да и тот вряд ли увидим, отвечал он.

"На землю, стало быть, рассчитывать нечего", - подумал я. Между тем задул небольшой ветерок, нанеслись облака, и стал накрапывать дождик.

- Непогодь делается, - сказал я простодушно капитану.

- Какая непогодь? - спросил он.

- А ветер и дождик, - отвечал я.

- Это хорошо, зыбь скорей уляжется, - объяснил он мне.

У моряков на все свой расчет.

Тюленьего острова мы действительно не видали, но зато видели целый косяк тюленей; там и сям стали показываться на море одно, два, более двадцати черных пятен: вынырнут,

поиграют и скроются, а потом опять вынырнут. Хотя все это не очень любопытно и живописно, однако среди морской пустыни нас заняло на целый час.

К вечеру на другой день мы подошли к острову Чечень; но было уже темно, так что я едва рассмотрел что-то зеленеющее вдали.

- Вот мы теперь в настоящем море, - сказал мне поутру адмирал.

- А там? - спросил я, указывая назад.

- Там лужа, мелко, а здесь глубоко.

- Глубоко?

- Да, совсем дна нет, нельзя смерить, - отвечал адмирал.

"Мало, что я в море, да еще в бездонном", - подумал я и невольно посмотрел на ровно идущие одна за другой волны, которые как будто бы похожи на речные, только шире разливаются и совершенно аквамаринного цвета, - а там, внизу, под водою, - продолжал я рассуждать сам с собой, - поглощены, может быть, горы, леса, города. - Предположение, что море Каспийское некогда было соединено с морем Черным, не имеет в настоящее время никакого сомнения. Начиная от Кубани, че-

рез всю землю Войска Донского и поднимаясь вплоть до Каспия, можно проследить одни и те же породы раковин, одинакового свойства наносный грунт, всюду раскиданы соленые озера, озерки, ясно свидетельствующие, что некогда все это пространство было морским дном. Но куда девалась вода? Испарения тут недостаточно. Я говорил об этом любопытном факте с Бэрмом. Он полагает, что Каспийское море в соединении с Черным занимало только северную часть свою, но последовавшим действием вулканических сил подняты восточные Кавказские горы, и образовалась пропасть, составляющая ныне южную часть Каспия; вода хлынула в нее, мелкие места обмелели еще более, обсушились, и море разделилось.

К полудню на горизонте забелелось что-то вроде туманной полосы. Это Кавказские горы. Чем дальше, тем берег виднее, наконец, показались и "Два брата", два огромных камня, стоящих вдали от берега и на довольно значительной глубине.

Адмирал желал бы устроить здесь маяк; но как его укрепить от напора волн и ветров?

Мы знаем, сколько хлопотали англичане со своим Эддистонским маяком. Вставши в параллель с камнями, мы увидели на них целую стаю тюленей, выстрелили из пушки ядром и не убили ни одного: все нырнули в море.

Апшеронский пролив был уже недалеко. Его образует морокой берег и голый, пустой, низменный остров, называемый "Святым" - от могилы какого-то благочестивого дервиша, на поклонение которой ходили некогда персияне. На берегу, между тем, показалась башня, потом другая, третья. Кавказское предание говорит, что это сторожевые башни, построенные Александром Македонским (Искендером), который, между нами сказать, совсем и не бывал в этих краях.

Вечером обогнули мы Шахову косу и вошли на Бакинский рейд, а к утру подтянулись к пристани. "Где ж Баку?" - спросил я, выходя на палубу; мне указали на другую сторону. Я обернулся и чуть не вскрикнул: впечатление мое очень походило на впечатление человека, который вдруг неожиданно взглянул на театральную сцену, где давали какой-нибудь

восточный балет. Представьте себе дугообразный морской залив, в недалеком от него расстоянии крепость, над которой идут, возвышаясь по берегу, белые, без крыш, вроде саклей, домики и, образуя как бы пирамиду, коронуются ханским дворцом с высоким минаретом. Ко всему этому прибавьте благороднейший воздух, которым где-либо дышат смертные, воздух, которым грудь не надыхнется. Сначала я думал, что это личное мое ощущение, но оказалось, что и другие тоже самое чувствуют: сухой и горный притекает он с берега и здесь увлажняется и смягчается морем и пропитывается нефтяными газами. "Душа наша", - называют персияне Баку за ее климат. Для наших астрабадских крейсеров{510} она служит лечебницей: часто болезненные и изнуренные лихорадкой приезжают они из Астрабада{510} в Баку и в неделю поправляются.

Баку, некогда столица ханства, присоединена была к России в первый раз при императоре Петре I генерал-майором Матюшкиным, которому она после осады сдалась на дискрецию; но по ганджинскому миру снова посту-

пила во власть Персии и управлялась ее наместниками, или, скорей, особыми ханами: первым из них был Надир, потом Мирза-Мухаммед-хан, потом сын Мухаммеда Мелик-Мухаммед-хан, еще Мирза-Мухалик, сын Мелика, у которого отнял престол дядя Мухаммед-Кули-хан, и, наконец, последним бакинским ханом был Хюссейн-Кули-хан, присягнувший на подданство России, а между тем сносившийся с Персией и теснивший нашу торговлю. Для усмирения его послана была эскадра с войском, под командою генерал-майора Завалишина; Баку была осаждена, но безуспешно. Князь Цицианов, тогдашний главнокомандующий кавказскою армиею, после этой неудачи пошел сам. Хюссейн-Кули-хан вызвал его на свидание у городской стены, будто бы для переговоров о сдаче. Главнокомандующий выехал - и был изменнически убит. Хюссейн-Кули-хан бежал после того в Персию, и Баку сдалась генералу Бурлакову без сопротивления: с тех пор она осталась навсегда в наших владениях и теперь составляет уездный город Шемахинской губернии. В настоящее время есть предполо-

жение устроить в Баку порт. Адмирал со своими офицерами объездил для испытания всю бухту: глубина оказалась достаточною, грунт для якорных стоянок удобный, а защиту от ветров мы сами испытали: в день нашего приезда, к вечеру, задул сильнейший SO, а пароход хоть бы колыхнулся. Говорят, еще Петр Великий по своему гениальному историческому провидению думал связать Кавказ с Россией Каспийским морем. Дело, по-видимому, очень простое: достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, какие преимущества представлял этот естественный и самой природой устроенный путь, но истина редко дается человеку прямо в руки: целое столетие мысль эта была забыта, и только в настоящее время является она снова в своей неотразимой силе.

По общему желанию, мы прежде всего пошли осматривать ханский дворец и, пройдя таможеню, тотчас же должны были подниматься на гору. Прелесть первого впечатления Баку совершенно пропадает, когда войдешь во внутрь ее. Кто не бывал в азиатских городах, тот представить себе не может, что

такое бакинские улицы: задние, грязные закоулки наших гостиных дворов могут дать только слабое о них понятие; мы шли между стенами без окон, по двое в ряд, и уж третий с нами не уставился бы; над собой видели только полосу неба, а под ногами навоз. Задыхаясь от усталости, мы добрались, наконец, до обиталища властителей. Каково оно было в свое время внутри, судить невозможно: в главном здании теперь сделаны казармы, а в мечети хранятся оружие и артиллерийские принадлежности. Наружный вид сохранился еще довольно цельно. Галерея, идущая вокруг дворца, и некоторые входы, украшенные резьбой, прекрасны; видимо, что это - дело греков и никак не персидского вкуса; но что лучше всего, перед чем действительно можно простоять несколько минут в восторге, - это вид с террасы на спускающуюся вниз уступами Баку, на раскинувшееся в стороне предместье и, наконец, на море, уставленное судами и сливающимся вдали с горизонтом, и все это как бы облитое ярким солнечным светом.

Из ханского дворца мы пошли к чрезвычайно высокой башне в левой стороне крепо-

сти. Вероятно, это был прежде тоже сторожевой пункт, но народное воображение, назвав ее "Девичьей башней", украсило такого рода преданием, что один из древних ханов воспылал страстью к родной своей дочери и долго склонял ее на свои преступные желания; дочь противилась, наконец, объявила, что готова разделить любовь в таком только случае, если для нее построена будет на берегу морском особая башня. Безумный отец согласился и выстроил эту самую башню. Дочь перешла и в ту же ночь, спасая свое девство, бросилась в море.

Осмотрев таким образом город, мы предприняли прогулку на море. Верстах в двух от пристани и в очень недалънем расстоянии от берега, на шестифутовой глубине, существует подводное здание; оно состоит из нескольких башен, между которыми идет стена; внизу у башен есть на морское дно сходы уступами, наподобие лесенки. Вообще вид его совершенно напоминает некогда бывший Караван-сарай, но каким образом он очутился под водою? Предания об этом, как водится, и бесптолковы и противоречат друг другу. Одни го-

воят, что уровень моря поднялся, а другие, наоборот, рассказывают, что прежде море обмывало основание "Девичьей башни", которая теперь стоит довольно далеко на берегу; всего, кажется, вероятнее объяснить это явление присутствием в огромном количестве нефтяного газа по всему Бакинскому полуострову, который заставляет предполагать пустые пространства в самом материке: очень может быть, что над одной из этих подземных пустот берег обрушился и с находившимся на нем зданием опустился на дно морское; но в таком случае трудно понять, каким образом при провале каменное строение могло так цельно сохраниться.

От Караван-сарая мы отправились дальше. Темнело. Море слегка колебалось и вместе с небосклоном более и более тускнело, как бы подергиваясь матовыми черноватыми пеленами. Верст через шесть нас вдруг обдал сильный запах нефти, и мы рассмотрели, что море невдалеке от нас слегка пенилось и шипело. Подъехав к этому месту, мы бросили зажженную пеньку; вспыхнуло ярко-светлое пламя и разлилось на большое простран-

* Здесь отделяется углеводородный газ, как продукт нефти. (Прим. автора.).

На другой день приехал шемахинский губернатор для совещания с адмиралом по случаю устройства порта и пригласил нас съездить на так называемые индийские огни. Близ селения Суруханы почва до того пропитана нефтью и углеводородным газом, что стоит на каком угодно месте раскопать немного землю, приложить огня - и тотчас появится пламя, которое не угаснет до тех пор, пока его не задует ветер. На месте этом существует монастырь, обитаемый огнепоклонниками. Несколько лет тому назад некто индийский купец Собра-Магундас, откупщик сальянских рыбных промыслов, покровительствовал обители, и в ней было до восьмидесяти отшельников; но в персидскую кампанию он разорился, обитель оскудела в средствах, братия перемерла, новые не приходили, и теперь налицо осталось только всего двое. Самое ближайшее, по-видимому, предположение, что монастырь устроен персидскими ог-

непоклонниками (гебрами{513}); но выходит не так. Наш ориенталист Березин в своем путешествии по Дагестану и Закавказью положительно говорит, что на Апшеронском полуострове никогда не было собственно гебров, а всегда обитали индусы, которых некоторые ученые, как, например, Лангле и Сузани, принимали за гебров; исповедуемая ими религия, обряды, идолослужение, язык, родина и, наконец, самая физиономия - все говорит об их индийском происхождении. Персидские гебры, с которыми г. Березин имел случай познакомиться в Тегеране, не имеют ничего общего с индусами апшеронскими, и на вопрос его о бакинских неугасаемых огнях отвечали отрицательно и даже с любопытством спрашивали: "Что это у вас там за атешгар? Нам и дела нет до него. Огонь мы уважаем, как начало, но никакого почтения к бакинскому атешгару не питаем".

Часов в пять вечера мы отправились на огни в трех экипажах; впереди нас скакали казаки, а сзади конвоировали комендант и несколько морских офицеров верхами. Дорога шла довольно ровная, и я с любопытством

оглядывал окрестности; последнее время я видел то великолепный Невский проспект, то холодные, но прелестные и сотни тысяч стоящие дачи на Крестовском, на Елагином, то Неву с ее пароходами, то мертвые приволжские степи, то грязные улицы Астрахани; но вот, наконец, передо мной старые знакомые хлебные поля, и какие поля! Земля здешняя удобрения не знает, пашут ее, едва поднимая верхний дерн, а между тем пшеница родится самосемьдесят. Припоминая кровавые труды наших северных мужиков, я невольно подумал: "Что бы они сделали на этой почве? Или, может быть, так же бы обленились, как ленив и здешний туземец?"

Подъезжая к монастырю, мы увидели бедно одетую толпу народа с музыкантами, которые при нашем приближении заиграли на зурнах, заколотили в барабаны. Напрасно я старался в этих оглушительных звуках уловить хоть какое-нибудь сочетание - каждый, кажется, выколачивал и выигрывал, что ему вздумалось и захотелось. Утешив нас музыкой, старшие из народа предложили видеть их пляску. Для этого один из музыкантов снял

с себя верхний кафтан, сапоги и пошел выхаживать, складывая руки, нагибая голову и закрывая глаза, а между тем музыканты старались, насколько хватало сил, особенно зурнисты, у которых от напряжения лица были красные и глаза налились кровью. Окружающая толпа народа принимала, в свою очередь, тоже немалое участие: кто прихлопывал в ладоши, кто прикрикивал, и вообще приветствовали нас с самым неподдельным и искренним радушием. Мне объяснили, что все это татары, хоть они совершенно не похожи на татар астраханских: горский лезгинский характер ярко отпечатывается и в одежде, и в стройном складе тела, и в каком-то благородном и воинственном выражении лица.

В монастырских воротах нас встретили двое индийских отшельников, желтолицых, худых и босиком. Один из них уже несколько лет исполняет положенный на себя обет нечесания волос, и потому можно судить, в каком положении была его голова; другой тоже, кажется, не чешется, но уж так, без иску-

В центре монастырской площадки стоял главный жертвенник - что-то вроде каменной, на четырех столбах беседки. Один из индийцев принялся зажигать огни. Сначала он бросил огня на пол беседки, и пламя вспыхнуло, потом поднес на длинных шестах огня к верхушкам столбов - и те запылали. Но, кроме того, нам хотелось еще видеть их богослужение; оказалось, что это довольно нетрудно. Отрекшиеся от мира подвижники в надежде получить какой-нибудь рубль серебра совершают обыкновенно свои священнодействия для всякого путешественника, в какое угодно время и насколько тому желается. Мы вошли в их моленную. Это была небольшая комната с купольным сводом; в одном углу ее помещался жертвенник, на котором стояли колокольчик, раковины, вода в чашечке и медные истуканчики. Я взял одного из них и спросил индийца, что он изображает. "Баба-Адам", - отвечал он. "А другой?" "Абель", - отвечал он. "А этот, третий?" "Дьявол!". Словом, пустынножитель, не зная сам хорошенько, болтал мне, что только пришло ему в голову. Свое молебствие индусы совершают обыкновенно

нагие, но с нами были дамы, и потому им запретили выполнение этих подробностей, и они начали с того, что в нескольких местах зажгли проведенный в трубочки газ; один из индусов сел на корточки перед жертвенником, что-то зачитал, потом покадил, кажется, кипарисом, позвонил в колокольчик, а другой, нечесаный, стоя у стены и понуриив голову, бил в тарелочки. В моленной между тем была невыносимая жара и какой-то удушающий серный запах.

- Будет! - сказал, махнув рукою, уездный начальник, сам задыхавшийся и заметивший, что все мы, посетители, побледнели до обморока.

Индийцы остановились и пошли нас обходить, поднося на маленьком блюдечке кусочки леденца, который мы брали и клали им за это деньги, чем они, кажется, остались весьма довольны, потому что кланялись нам, улыбались и прижимали руки к сердцу.

После идолослужения оставалось осмотреть еще два колодца, вырытые поселянами неподалеку от монастыря. Получаемая из них вода была довольно хорошая и отзывалась

только немного нефтью, но, кроме того, в ней случайно заметили такое свойство, что если колодец закрыть ненадолго досками, потом бросить огня на воду, то на поверхности ее вспыхивало пламя. Все это стали показывать, как фокус, путешественникам, но года два тому назад в одном из колодцев пламя разгорелось, его оставили непогашенным, и на другой день, к ужасу, увидели, что в колодце воды уже не было ни капли, а вместо нее зияло огненное жерло, которое горит и до сих пор и в которое мы заглядывали. Вероятно, зажженный газ передал пламя нефти, находящейся на дне колодца, вода испарилась, и образовалось что-то вроде маленького вулканического кратера.

Осматривать больше было нечего; порядком усталые, мы вошли в небольшую башенку, устроенную над монастырскими воротами, и стали тут пить чай. Музыканты перебрались за нами и уселись на стене, переменяя на этот раз свои инструменты: один наддувал что-то вроде флейты - дюдюк; другой бил в бубны каваль; у третьего была как будто бы скрипка - каманчар; у четвертого гитара с

проволочными струнами - сас; барабан - нагара и зурна. Заиграли они песню и как будто бы несколько поскладнее прежнего; но вот один из музыкантов, кажется, гитарист, запел, или, скорее, завизжал, как будто кто-нибудь ущипнул его за руку или за ногу и немилосердно жал. Наступившие темные сумерки придали всей картине какой-то фантастический характер. Эта толпа народа, наигрывающие музыканты, желтолицые индусы и, наконец, наши дамы в шляпках и бурнусах, мы в шинелях, мундирах, аксельбантах - и все освещенные ярким пламенем пылающих огней - казались какими-то огнепоклонниками, пришедшими совершать поклонение великой стихии.

Но обратный наш поезд в Баку совершился еще того торжественнее и был почти царственный: кроме нашей конницы, нас конвоировали верхами человек тридцать татар с зажженными факелами из нефти, по-здешнему - машалами; среди темной ночи раздавались лошадиный топот, крики и перебранки гарцующих взад и вперед татар, ярко пылали машалы, с которых сдуваемый ветром огонь

сыпался на землю. Когда у кого-нибудь из машальников пламя ослабевало, его нагонял молодой татарчонок и на всем скаку подливал в машало нефть; напрасно лошади фыркали и рвались в сторону от огня, наездники их сдерживали. Подъезжая к Баку, мы увидели весь город иллюминированным: по горе, где воздвигнут памятник князю Цицианову, извивались разнообразными линиями огни, по дороге стоял народ с такими же машалами.

- Каково бакинцы торжествуют! - заметил я адъютанту Р-ри.

- Это им дешево стоит - всего девять целковых, - отвечал он.

"Девять целковых - тысячи огней! В Петербурге переулка не осветишь на эти деньги. Что бы сделали и каких бы фабрик настроили здесь англичане, имея под руками даровое топливо и освещение!" - подумал я.

Три дня мы пробыли, таким образом, в Баку, и я желаю одного, чтобы статейка моя представила воображению читателя этот маленький городок в столь же яркой картине, в какой останется он навсегда в моем воспоминании.

нании!

Тюк-Караганский полуостров и Тюленьи острова*

* Тюк-Караганский полуостров находится на восточном берегу Каспийского моря, под 44° широты и 21° долготы. (Прим. автора.).

Чтобы попасть в Тюк-Караганский залив, мы должны были от Бирючьей косы перерезать море почти поперек. Плавание наше было в высшей степени благополучное: в продолжение ночи мы прошли половину нашего пути, и на другой день перед закатом солнца стал показываться Тюк-Караганский берег, с бухтою в правой от нас стороне и с видневшимся влеве Новопетровским укреплением. В самый залив мы вошли в тихие сумерки, при свете луны, следовательно, при обстоятельствах, благоприятных для морской картины, но при всем том вид полуострова не представил для глаз ничего особенно привлекательного: берег, море, мелькающие тени людей - и только; даже дикость природы не имеет здесь своей обычной грандиозности и какая-то чересчур заурядная и обыкновенная.

В морском отношении бухту, впрочем, хвалят: с густо илистым дном, при четырехсаженной глубине, она образована песчаною косою, которая, загибаясь от севера к юго-востоку, закрывает ее совершенно от ветров.

Поутру мы сошли на берег, чтобы ехать в крепость. На самой косе расположена слобода, заселенная русскими переселенцами из верховых губерний. Правительство обстроило их, дало им на десять лет льготы, предоставило им около берега рыбную ловлю. Я заходил в их дома. Живут чистенько, заметны некоторые следы довольства, а между тем, не говоря уже о бабах, даже мужики плачут о родине: скучно!

Крепость лежит от слободы в пяти верстах; по дороге только и видны песок, ракуша и выдающийся местами из земли известковый камень, употребляемый на постройку домов; растительность самая бедная; с морского берега опаживает вонючий запах от выкидываемой волнами и гниющей здесь морской травы. Наконец, к общему нашему удовольствию, мы увидели два соленые озерка, единственно любопытные предметы среди этой

скудной и печальной природы. Замечательно они тем, что совершенно розового цвета. Вода их, налитая в стеклянный сосуд, красновата, и у берега, где дно ракушечное, черноватое, она представляется с бледно-розовым отливом; но дальше, где происходит уже осадок соли и где грунт дна белый, красноватость ее сгущается до цвета розы. Самая соль в первое время осадки, когда еще бывает сыровата, сохраняет розовый цвет, но, высушенная, делается совершенно белой. По мнению Эйхвальда, розовый цвет озерков происходит вследствие отражения солнечных лучей от растущей на дне красноватой травы; но почтенный ученый наш Бэр, предпринимавший вместе с нами эту поездку, объяснил это иначе и более правдоподобно; он открыл в воде присутствие инфузорий, которые в живом состоянии окрашивают ее в розовый цвет, но, умирая, разлагаются и утрачивают это свойство.

Крепость стоит на вершине горы; невысокие стены ее идут зигзагами, охраняемые с одной стороны крутым скатом, а с другой - почти перпендикулярными обрывами. Устрое-

на она для прекращения разбоев на море, которые производили кочующие по восточному берегу киргиз-кайсаки.

Въехав в крепостные ворота, мы прошли сначала в церковь, видели потом казармы, лазарет, гауптвахту, ходили на бастионы, откуда я взглянул на далеко расстилающуюся степь, и опять та же убийственная мертвенность, хоть бы деревцо, хоть бы лужайка свежей зелени! И только, как признаки чего-то живого, плетутся вдаль, едва передвигая ноги, по два, по три верблюда, или, лучше сказать, остовы верблюжьи. Сажень дров здесь стоит 70 рублей серебром, за пригоршню муки кочевник готов работать целый день, и среди этого безлесья и безводья (невольно подумаешь) могут жить люди?.. Живут, и живут тысячи! Мало того. Имеют политические партии, враждуют и междоусобствуют друг с другом. Читатель, может быть, знает, что большая часть киргаз-кайсацких племен признает над собой власть хивинского хана, которому еще в недавнее время они отбывали свою дань тем, что захватывали в море наших рыбопромышленников и поставляли их в Хиву

натурой в плен, и только в 1840 году поход Перовского заставил хана отменить сбор подобной пошрины, и захваты прекратились. Не знаю, в какой мере это справедливо, но мне рассказывали такого рода междоусобный эпизод. Старый хивинский хан убит в войне с персиянами, на место его избран хивинскою партией другой, против желания партии трухменцев; те объявили восстание, новый хан вышел усмирять их и был убит в схватке. Ему наследовал родной брат его, который, между прочим, издал прокламацию с воззванием к киргиз-кайсакам - бить и уничтожать трухменцев; но те предупредили и напали на хивинский купеческий караван, шедший из Новопетровска в Хиву под прикрытием киргизов; товары были разграблены, а конвой разбит. Киргизы, возвратясь домой, в свою очередь, стали грабить трухмен, но не тех, которые их грабили, а находящихся под нашим покровительством и прикочевавших к Новопетровску. Эти трухмены теперь являются беспрестанно к коменданту с просьбою защитить их, а киргизы в свое оправдание говорят, что они сами ограблены. Словом, спор, кото-

рый, кажется, лучше всего разрешило бы турецкое правосудие, отколотив, для восстановления мира, истца и ответчика по пятам.

Вот все, что мы видели и слышали на Тюк-Караганском полуострове. На другой день, снявшись с якоря, направили мы наш курс к так называемым Тюленьим островам, которых, собственно, четыре: Морской, Святой, Подгорный и Кулалы. Для посещения своего мы избрали последний. Якорь брошен у западной его оконечности, против единственного жилого места - небольшой ватаги тюленьих промышленников. До берега добрались мы в шлюпке, и первое, что увидели, - это скорпионов и двух-трех огромнейших собак, которых, говорят, тут более двух десятков. Промышленники ездят на них охотиться по льду за тюленями.

Из всех водяных обитателей Каспия тюлень уж, конечно, самое простодушное животное, их ловят почти руками. Выходят, например, они летом на морской берег понежиться, погреться и, главное, я думаю, поспать, и спят, как мертвые, лопаясь иногда от собственного своего жира. Между тем охотни-

ки осторожно, с колотушками (чекушками) в руках и стараясь быть под ветром, обходят их с моря; достаточно перебить передний ряд косяка, остальные уже не в состоянии перескочить этой загороди и все убиваются на месте*. Когда ловец замахивается на тюленя, он, бедный, не защищается, не спасается и только обращает на убийцу глаза, полные слез, а маленькие тюленята, говорят, даже издают стон наподобие плача ребенка. На море ловят тюленей в северной части Каспийского моря; сначала ловцы замечают, где вьются над водою мартышки, явный знак, что тут ходит тюлений косяк; место это ловцы обставляют с одной стороны оханами, а с другой обходят в лодках и начинают шумом и криком беспокоить косяк, который бросается, тычется рылом в загородь, ворочается и, встретив здесь расставленные сети, запутывается в них. Но другое дело - и дело гораздо поопаснее - охота за маленьким беленьким тюленем зимой, когда тюлени плодятся. Для этого они обыкновенно продувают на льду отверстие (лазок), выползают на него и, родив детенышей, оставляют их, для защиты от ветра, около льдин, стоя-

щих ребром. Сопровождаемые плачем и воем семей своих, едут охотники к этому наперед опознанному месту и начинают несчастных птенцов убивать чекушкой или просто колотя головенкой об лед; но горе отважным промышленникам, если в это время подует морской ветер; льдины отрывает и относит, куда ветер дует. Только счастливая судьба может примкнуть ее к берегу или к другой льдине, с которой можно перебраться на землю, или, наконец, перехватит ловцов какая-нибудь кусовая; но часто бывает, что их уносит в море, где впереди смерть от холода, голода, потопления, и трудно вообразить, с какой отважностью и неутомимостью спасаются погибающие: последний способ, самый решительный, когда уже никакой не осталось надежды, - это плавание на бурдюке. Делается он просто: убивают обыкновенно лошадей, мясо их запа�ают на пищу, а шкуру надувают и образовавшиеся из нее пузыри привязывают к саням, которые спускают на море, и пускаются в них плыть, употребляя вместо весел лошадиные кости; кого вынесет - так хорошо, а нет - так, значит, богом так назначено. Чиновник про-

изведет очень аккуратное местное изыскание о причине смерти таких-то и таких-то. Родные, а больше всех матери, поревут, постонут. На мирской сходке переговоят: "Затерло, брат, ребят-то, затерло... Затерло, затерло, с кусовой от Фомы Ильича видели, слышь... Видели, видели, братец ты мой, да подступу не было, льдицо кругом... Льдицо, льдицо - известно!" - закончится разговор, да тем дело и покончится. Где-то, подумаешь, не вершит головушкой русский человек ни за что, ни про что, а пора бы, кажется, нам поберегать людей: весь этот промысел, например, доставлял шкурку, из которой выдελывался мех вроде бобра, употребляемый на опушку кучерских кафтанов, и для подобного комфорта каждый год гибло до двадцати человек, а сверх того переводились и самые тюлени. В последнее время правительством, впрочем, запрещен этот промысел.

* Впрочем, лов этот иногда бывает соединен с опасностью для ловцов; если они не успели перебить переднего ряда тюленей, прежде чем проснутся остальные, то весь ко-

сяк устремляется в воду, увлекает с собою и давит ловцов. (Прим. автора.).

ПРИМЕЧАНИЯ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

Очерки, печатающиеся в настоящем издании, впервые были опубликованы в 1857 году. Эти очерки, по замыслу Писемского, должны были явиться первой частью цикла. "Возвратясь из путешествия по Астраханской губернии, куда я был командирован по распоряжению Морского министерства для составления статей в "Морской сборник", - писал он Ф.П.Врангелю 20 ноября 1856 года, имею честь представить при сем Вашему высокопревосходительству, для напечатания в сборнике, первый отдел моих путевых очерков, собственно по Астраханской губернии, а также и морские мои поездки"*.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 102.

Над этими произведениями Писемский, очевидно, начал работать, еще находясь в литературно-этнографической экспедиции, организованной Морским министерством, "в

Астраханскую губернию и к прочим прибрежьям Каспийского моря".

В экспедиции Писемский пробыл, как можно судить из "Дела о командировании литераторов в разные края России для собрания сведений до морской части относящихся"* , с 9 января по 9 ноября 1856 года.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 613.

В его задачу, как и в задачу других членов экспедиции, "молодых даровитых литераторов", входило "исследование быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством". Эти сведения чрезвычайно интересовали царское правительство, стремившееся после поражения России в Крымской кампании, а также в связи с ростом промышленного капитала активно колонизовать окраину. Но часто экспедиции, организуемые с целью изучения экономического состояния края, достигали нежелательных для правительства результатов. В частности, богатый материал, собранный Писемским во время пребывания в Астрахани, поездок по Каспийскому морю и

посещения Баку, позволил писателю разоблачить колонизаторскую политику царизма. Сохраняя в своих очерках верность реальным фактам, нигде не стараясь смягчить краски, Писемский создает мрачную картину бедности и отсталости юго-восточной и южной окраин царской России. Он дает понять своему читателю, что в условиях господства феодально-крепостнического строя жители этих окраин, "малые народы", обречены на вымирание.

Готовя текст очерков для издания Ф.Стелловского, Писемский объединил их с печатавшимися в 1857 - 1860 годах в "Библиотеке для чтения" очерками "Татары", "Астраханские армяне" и "Калмыки" под общим названием "Путевые очерки". Других, более существенных изменений в издание Стелловского писатель не вносил, ограничившись заменой некоторых оборотов, выражений и слов.

Из изменений, внесенных в посмертные издания Писемского, следует отметить неудачное присоединение во втором, посмертном издании Полного собрания сочинений (изд. Вольфа, 1895-1896 гг.) в качестве

восьмой главы к "Путевым очеркам" статей "Пребывание черноморцев в Москве" и "Прием черноморцев в Астрахани". Эта ошибка была повторена в последующих изданиях сочинений Писемского. Статьи, присоединенные к "Путевым очеркам", впервые появились в "Морском сборнике" (1856, кн. 6, апрель). Первая была напечатана без подписи, а вторая, снабженная подзаголовком "Письмо в редакцию "Морского сборника", - за полной подписью Писемского. Содержание первой статьи полностью опровергает принадлежность ее Писемскому. В ней изображены события, происходящие в Москве с 16 по 29 февраля 1856 года, свидетелем которых Писемский не мог быть, так как находился в это время в Астрахани.

В настоящем издании очерки печатаются по изданию Ф.Стелловского с исправлениями опечаток по предшествующим, прижизненным публикациям.

АСТРАХАНЬ

Впервые очерк под названием "Путевые очерки (Астрахань)" был напечатан в журнале "Морской сборник", 1857, кн. 2.

В основу произведения легли впечатления Писемского от пребывания в Астрахани. Срок выезда писателя в Астрахань точно не установлен. Но по сохранившемуся письму его жене можно полагать, что во второй половине февраля 1856 года Писемский был уже в Астрахани. 19 февраля этого года писатель сообщал жене: "...пишу к тебе уж и из Астрахани, сидя в теплом номере, уже несколько отдохнувши после адской усталости, переехав Волгу на салазках, которые везли калмыки"*.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 91.

Своеобразный город на юго-восточной окраине России и его пестрое население привлекли внимание Писемского и вызвали у него глубокий интерес: "Астрахань - это непочатое дно для описаний: не говоря уж о губернии, самой город точно явившийся после столпотворения Вавилонского и неслитно до сих пор оставшийся: Калмык со своим языком, кочевой кибиткой, идолами, Армянин более православный, Армянин более католик, Татарин со своим языком и Магометанским

толком, Персиянин со своим языком и другим магометанским толком, Русский мужик, Немец, Казак - все это покуда наглядно еще режет мой глаз, но сколько откроется, когда еще внимательнее во все это взглядишься...".*

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 94-95.

Прожив некоторое время в Астрахани, изучив ее окрестности, Писемский был поражен крайней нищетой и бедностью, открывшейся перед ним. "В благословенном крае - Саратовской и Астраханской губернии я чуть было не умер с голоду, квасу, яиц нет в деревнях", - писал он в письме к А.А.Краевскому 20 февраля 1856 года.

Писемский не был лишь пассивным наблюдателем астраханской действительности. Он стремился понять характер и нравы нерусских обитателей города: "...в Астрахани вожусь с Армянами и Татарами", - пишет писатель А.А.Краевскому 2 июня 1856 года*.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 98.

Точная дата выезда Писемского из Астрахани неизвестна. Но о том, что в сентябре он был уже в Москве, мы узнаем из письма В.П.Боткина к И.С.Тургеневу от 29 сентября 1856 года. "У Островского встретил я Писемского - бледного, исхудалого, больного, - тень прежнего Писемского, - сообщал И.С.Тургеневу В.П.Боткин. - Он приехал сюда лечиться. Островский говорит, что у него развилась ипохондрия. Дело в том, что Писемский начался медицинских книг и нашел в себе многие болезни"*.

* В.П.Боткин и И.С.Тургенев. Неизданная переписка, 1851-1869, М., 1930, стр. 92.

Стр. 493. Мочаг - мелководный, илистый, заросший камышом морской залив.

Толмач - в древней Руси должностной официальный переводчик, посредничавший в беседе между русским человеком и иностранцем.

Стр. 494. ...в сентябре месяце (7064 г.). - Здесь дата дана по старому церковному летоисчислению. По новому летоисчислению - 1556 год.

Стр. 497. Раскат - вал, насыпь или укрепление.

Стр. 503. Хлибит, хляба - мокрый снег, слякоть.

Чуха (чоха) - верхняя одежда с широкими откидывающимися рукавами.

БИРЮЧЬЯ КОСА

Впервые очерк напечатан в журнале "Морской сборник", 1657, кн. 4.

Первоначальным наброском очерка является письмо Писемского к жене от 25 марта 1856 года (см. "Избранные письма").

Стр. 504. Брандвахта - сторожевое судно в порту.

БАКУ

Впервые очерк под названием "Поездка в Баку" был напечатан в журнале "Морской сборник", 1857, кн. 4.

Писемский выехал из Астрахани в Баку по приглашению астраханского губернатора контр-адмирала Н.А.Васильева. Последний должен был установить, возможно ли в Баку создать порт. Очевидно, эта поездка была совершена в апреле или в начале мая 1856 года. В письме к жене из Астрахани Писемский 25

марта 1856 года сообщал: "На той неделе я, вероятно, поеду в море настоящее, в Баку"* , а уже 17 мая он писал А.В.Дружинину: "Письмо ваше я получил, только что возвратившись из Баку, куда ходил морем, совершая первый раз морское путешествие..."**.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 96.

** А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 97.

В Баку Писемский пробыл три дня. За это короткое время писатель сделал много ценных наблюдений, которые и легли в основу очерка. Писемский приехал в Баку, когда последний был небольшим уездным городом Шемахинской губернии. Городская власть тогда принадлежала уездному начальнику и коменданту. Печать феодальной отсталости и запустения лежала на всем облике города. Это и заметил зоркий глаз писателя. Подлинного этнографа, Писемского заинтересовало и азербайджанское (его тогда называли татарским) население города. Он улавливает своеобразие внешнего облика бакинских "татар",

знакомится с содержанием азербайджанского народно-поэтического предания о Девичьей башне, выясняет названия национальных музыкальных инструментов, описывает со всеми подробностями национальную пляску.

Писатель приехал в Баку, когда его нефтяные богатства почти не находили никакого применения. Нефть добывалась в самых незначительных количествах и самым первобытным способом. Она выкачивалась из простых колодцев бурдюками, то есть мешками из кож животных, смазанных нефтью. Но, несмотря на это, Писемский изображает Баку как город нефти.

Стр. 510. Астрабадские крейсера - здесь начальники астрабадских судов.

Астрабад - город в Иране, ныне переименованный в Горган.

Стр. 513. Гебры - современные последователи зороастрийской религии в Иране.

ТЮК-КАРАГАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И ТЮЛЕНЬИ ОСТРОВА

Впервые очерк был напечатан в журнале "Морской сборник", 1857, кн. 4.

В основу очерка легли наблюдения Писем-

ского, сделанные им во время путешествия по Каспийскому морю. 2 июня 1856 года писатель сообщал А.А.Краевскому: "Каспийское море изъездил уж вдоль и поперек, я был в Баку, был в Тюк-Караганском полуострове, на Тюленьих островах..."*.

* А.Ф.Писемский. Письма, М.-Л., 1936, стр. 98.

А.А.Рошаль